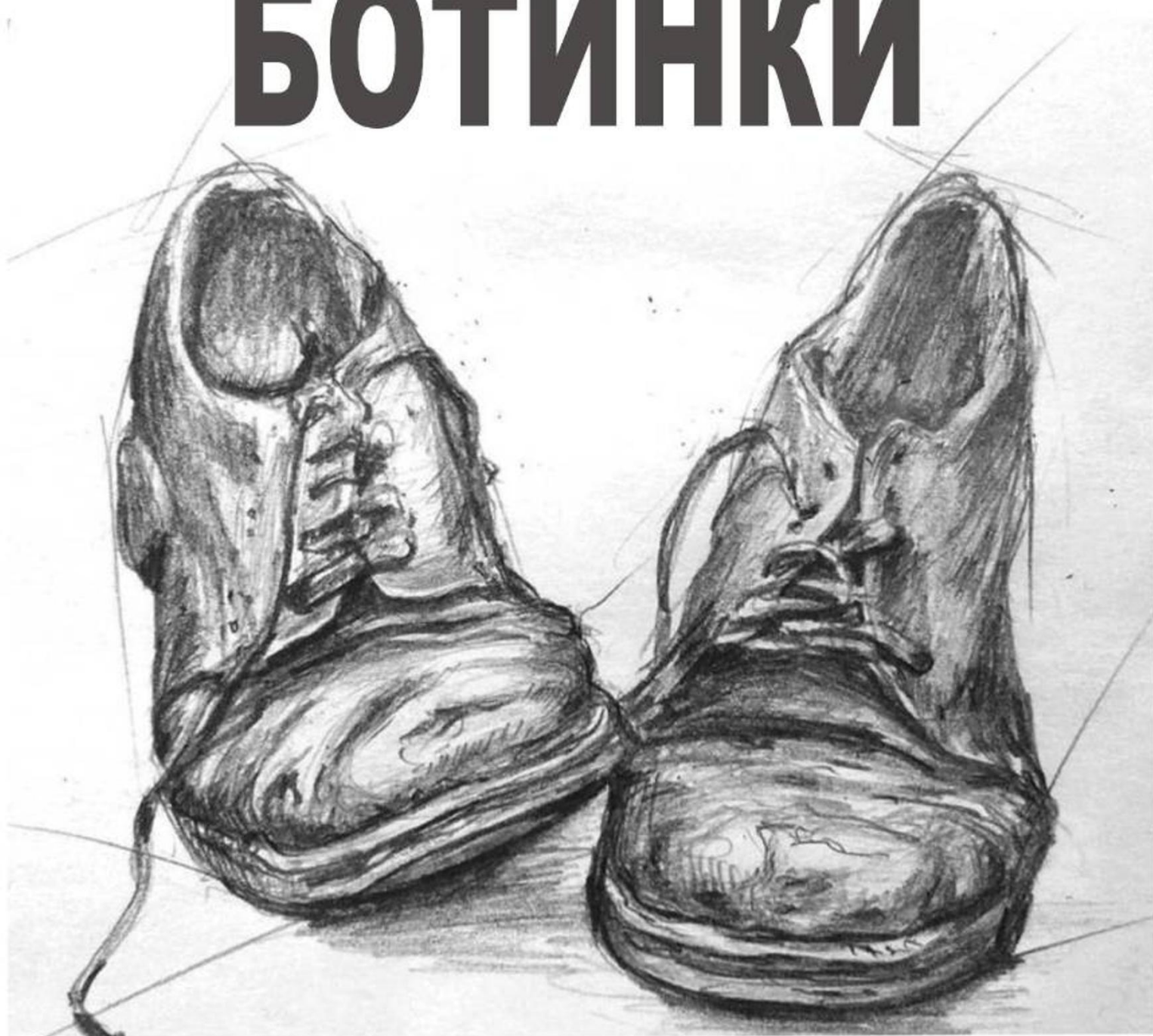

РОМАН МИХАЛЫЧ

ШКОЛЬНЫЕ БОТИНКИ

Роман Михалыч

Школьные ботинки

«Автор»

2026

Михалыч Р.

Школьные ботинки / Р. Михалыч — «Автор», 2026

Небольшая зарисовка из моего советского детства. Все герои носят собирательный образ, и все совпадения - случайны.

© Михалыч Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Михалыч

Школьные ботинки

Глава I. Самое первое сентября.

Солнечным сентябрьским утром 1975 года, в сопровождении мамы, в новеньком сером костюме, в новых черных ботинках, с огромным дурацким портфелем бордового цвета, и с букетиком астр, увядающих на глазах, я пошел первый раз в школу. За спиной остались три чудовищных года садика, с мрачными воспоминаниями о постоянном принуждении, и исполнении чужих требований – строиться, кушать, спать, гулять на площадке с верандой, играть, и участвовать в разных идиотских мероприятиях.

Мне, родившемуся в семье с любящей бабушкой, и не знавшему с ее стороны ограничений в свободе, было особенно тяжело социализироваться в любом коллективе, особенно с тоталитарной властью чужих для меня людей. Все детские учреждения того времени, по структуре и методам воспитания, были зеркально похожи – одна и та же авторитарность управления, людоедская коллективная ответственность, и полное презрение к мнению индивидуума. К середине семидесятых от последствий Хрущевской оттепели в СССР мало что осталось, а вот наследие культа личности, и теория воспитания Макаренко никуда не ушли, и только продолжали развиваться.

Любая семья, как «ячейка общества», отражала суть взаимоотношений, как в самом этом обществе, так и в государстве в целом. Чтобы граждане вдруг не усомнились, и не забыли кто тут главный, наша страна была увешана «наглядной агитацией», напоминавшей, что только коммунистическая партия Советского Союза, и ее ставленники являются «умом, честью, и совестью» эпохи, и их требования обязательны к исполнению, без вариантов. Образ внешнего врага – англосаксов, буржуев, капиталистов и империалистов - успешно применялся для дрессировки объединения граждан вокруг власти.

Политика партии экспоненциально транслировалась и в семью. Много лет спустя, мой старший сын, как-то особенно для него откровенно признался, что до семнадцати лет он жил не свою, а чужую жизнь – тупо подчиняясь воле матери, бабушки, школьных педагогов, выполняя их требования и распоряжения. Нравится ему это, или нет – никто не спрашивал. Да и зачем? Все равно его мнение ничего не значило, и ничего не меняло. Так было и со мной, и со многими другими детьми, и таковы были традиции, принципы и методы воспитания в Советском Союзе. Подросший ребенок как то вскользь упомянул, что его детство было сложное - как «нечестный уровень» в компьютерной игре «Солдат Удачи» - там, где шансов пройти этот этап и выиграть, ввиду изначально несправедливых условий – практически не было. Идеально точное сравнение.

Мое настроение первого сентября, как и осенняя погода - вдруг сменявшая яркое солнце на серые облака и морозящий противный дождь, прыгало от радости расставания с проклятым детским садом, до ноющей грусти от приближающейся очередной неволи - школьной жизни. Осенний дождь прибавал пыль на асфальте, оставляя следы капель, а первые желтые листья, шуршащие от ветра вдоль свежeverкрашенных бордюров - нагоняли тоску. Ни в какую школу, естественно, мне идти не хотелось, но моего мнение никого не интересовало. Решение было давно принято, и обсуждению не подлежало.

Мои родители, как и большинство родителей того времени, не отличались особым гуманизмом в воспитании. Воспитывали меня довольно просто – ругали и били регулярно, больно, и за все подряд, особенно отец – выдирал мне уши, до хруста сжимал кисти рук, не утруждая поиском ремня – порол чем попало. Мать тоже не сильно отставала от него, используя все, что попадалось под руку – выбивалку для ковра, мокрое полотенце, или тапок с резиновой подош-

вой. Они пытались воспитывать меня «как положено», дабы вырастить достойного строителя коммунизма, и оградить в будущем от всяких вредных привычек. Ну, и в целом, для соблюдения дремучих крепких традиций предков «как в старину», как и для самоутверждения в своих амбициях «хороших родителей».

Не имея возможностей физически защититься, как и пожаловаться кому-то, от боли, обиды и несправедливости, давясь слезами - я назло делал так, как считал нужным, если позволяли обстоятельства. Меня снова ругали, снова били, я замыкался в себе, но смириться с таким положением дел не мог. В тот год, когда я пошел в школу, родился мой младший брат – очаровательный, но очень болезненный малыш, и почему-то родители на мне вымещали и его страдания, и свои горести и обиды, как-то особенно люто. Не то, чтобы мои папа и мама были какими-то выдающимися злобными садистами - просто их родители по отношению к ним, применяли те же дикие средневековые методы воспитания, а они даже не задумывались – плохо это, или хорошо. Так было положено.

Надо ли говорить о том, что все усилия моих папы и мамы, с их приемами и педагогическими методами, не привели к ожидаемым результатам. Скорее, наоборот - я только обозлился на родителей, и особенно на отца. Мать иногда пыталась вести со мной душевительные воспитательные беседы, но отец всегда резюмировал свое разочарование во мне – насилием, презрением и оскорблениями. И когда мне было шестнадцать, в очередном конфликте с отцом - я просто взял в руки гвоздодер, а папа понял, что я вырос, и дальше меня воспитывать уже поздно. В общем, послушным ребенком я не был изначально, поэтому школу воспринимал – как очередное неизбежное ограничение свободы, со всеми прилагающимися атрибутами – правилами, формой, портфелями, учебниками и тетрадками.

Школа была совсем не старая, но уже довольно потрепанная. К новому учебному году покрасили все, что только было можно, включая ругательные и мало информативные надписи учащихся по цоколю здания. Атмосфера в фойе и в коридорах напоминала гудящий колхозный рынок в выходной день – все куда-то двигались, галдели, толкая друг друга и наступая на ноги. В классе было душно, воняло свежей масляной краской, а солнце в тот день, как нарочно - особенно рьяно дразнилось в окно испепеляющими жаркими лучами. Какие-то чужие дети бегали, орали, дрались и суетились, как обезьяны перепрыгивая с парты на парту – выбирая места. Многие из них, в отличие от меня, были знакомы друг с другом. В общей неразберихе я совсем растерялся - меня толкали, и я не мог найти себе место, пока не пришла учительница – кучерявая некрасивая тетя, лет тридцати пяти, с хриплым каркающим голосом, золотым зубом, и родинкой на левой щеке - похожая на цыганку.

Увидев учительницу, разыгравшиеся дети притихли, быстро расселись кто куда успел, и выпучили глаза в ожидании дальнейших распоряжений педагога. Все места в классе были заняты тридцатью четырьмя новыми учениками. Посадили меня за одну парту с яркой девочкой-брюнеткой, с двумя хвостиками по бокам аккуратной головки, и воздушными, ослепительно белыми бантиками. Драться она не собиралась, что меня немного успокоило. Глядя на нее, я тоже сложил руки «полочкой», и приготовился слушать, что будет дальше.

Удивительно то, что именно свой первый класс я почему-то, очень плохо помню - ни имени учительницы, ни одноклассников. Время тогда пронеслось каким-то особенно шальным ураганом, смешавшим многочисленные события: лица людей, калейдоскоп впечатлений, фрагментарно стирая воспоминания.

А эту девочку я хорошо запомнил, хоть и пересадили ее от меня на следующий же день. Отчетливо помню даже то, как нас заранее предупредили о фотографировании, чтобы мы все были нарядными - а она пришла в черном фартуке, и ее за это ругали. Бедняжка чуть не плакала, но надеть чужой белый фартук отказалась. Мне было жаль ее. Так и осталась она на той фотографии, и в моей памяти в аккуратном черном школьном фартуке. Пятьдесят лет спустя

нашел ее страницу на «Одноклассниках» - она стала учительницей. Но писать я ей уже ничего не стал. Да и зачем...

Не понимая, чего именно от меня в конечном итоге все требуют, ошалеv от неожиданно свалившихся новых обязанностей, и непонятных требований, учиться я начал ужасно. Я и сам это понимал, сравнивая свои первые тройки и четверки, с пятерками ничем не выдающихся одноклассников, но какого-то внятного и правильного алгоритма поведения у меня тогда не складывалось. Моя первая учительница, взаимно невзлюбила меня с самого начала, занижая оценки, и при первой же возможности, публично унижала меня своими тупыми язвительными комментариями по любому поводу. Было очень обидно, и я стал вести себя по принципу: «назло бабушке – отморожу уши». Думаю, что не сделаю большого открытия, если скажу о том, что модная на сегодня проблема «детских травм» - отнюдь не выдумана шарлатанами психологами – она реально существует. И они с нами навсегда.

Соответственно, первыми моими друзьями стали такие же, как и я – непослушные троечники, вместе с которыми я и выражал свой протест советской системе начального школьного образования посильными методами. Ожидаемо, пошли двойки, вызовы родителей в школу, ну и пропорционально усилились домашние репрессии, в нагрузку к кривым палочкам в прописях, и глупым задачкам по математике. Школьная форма, с такой тщательностью подобранная накануне первого сентября, изнашивалась не по дням, а по часам – покрывалась пятнами силикатного конторского клея, комбижиром школьной столовой, заплатками на дырках, и всем тем, что может найти любознательный мальчишка в своей повседневной жизни. Отец смотрел

на меня с разочарованием, как на свой неудачный проект, мать охала и ахала от того, «в кого я такой уродился», а я просто пытался жить свою жизнь так, как умел.

Слякотная осень сменилась снежной зимой, я понемногу стал понимать свои права и обязанности - чего от меня ждут в школе и дома, а в выходные, сделав уроки, убегал на улицу, пока родители были заняты младшим братом. Жили мы тогда уже в своей отдельной двухкомнатной квартире, где я делил одну из них с младшим братиком. Иногда в выходные мама ходила со мной в рошу кататься на лыжах, или на коньках в дворовую хоккейную коробку, что было для меня настоящим праздником. Отцу всегда было некогда, он скрывался от тяготившего его семейного быта на работе, появляясь поздно вечером, чтобы проверить дневник и домашние задания. Признаться, меня это только радовало – меньше времени он тратил на мое воспитание.

Все свободное от уроков время я посвящал изучению близлежащих окрестностей, вокруг своей серой панельной пятиэтажки, и на первые, появившиеся от сдачи молочных бутылок карманные деньги, покупал в кулинарии коржики, лимонад и соки. Это доставляло радость вкуса, и ощущение самостоятельности. Весной многие дети играли в «ножички» на первых проталинах. Чертили мелом «классики» на асфальте, пиная битку в виде банки от обувного крема или конфет «Монпансье». Самые отчаянные уже играли на деньги - в «Гоп», ударяя, сэкономленные на школьных обедах, монетки об асфальт, чтобы перевернуть с «орла» на «решку». Такая игра взрослыми не поощрялась ни в школе, ни дома. Помню, что за нее, мне как-то особенно сильно прилетело от матери. Когда пригревало солнце, и журчали первые весенние ручьи, надев холодные резиновые сапоги, мы увлеченно пускали в полноводные быстрые потоки - спички-кораблики, сопровождая их через лужи грязного талого снега. На мокрые ноги, сопли и температуру дети обращали внимание в последнюю очередь – когда было уже поздно.

Дома больных детёнышей родители засовывали под колючее шерстяное одеяло над кастрюлей, с паром от горячей картошки, погружая ноги в тазы с растворенной в кипятке горчицей. Ставили на спину банки, от которых образовывались страшные фиолетовые синяки. Когда совсем становилось плохо – кормили димедролом и пенициллином. Или отправляли на скорой в больницу, на две недели - в стационар без родителей. Мало веселого было в этом. Еще у нас во дворе была детская площадка, с циклопическими железными качелями, способными убить даже взрослого человека, и покалечившими не одного ребенка. Обсосанная собаками песочница, с кривым деревянным навесом – грибом, странная металлическая конструкция с кольцом и лесенками, и пара загаженных местными алкашами убогих скамеек. Других развлечений во дворе просто не было. Совсем.

На память о моем первом классе, у меня осталась одна большая групповая черно-белая фотография, в формате ритуальной керамики, с аппликациями «советского фотошопа», с тридцатью четырьмя овальными лицами, и назидательной надписью: «Знания – большое богатство» и, что если ими настойчиво овладевать, то когда-нибудь, можно сделать мир лучше, в чем ни тогда, ни сейчас я был не уверен. Дома много лет хранился и огромный бордовый портфель, с двумя замками, в который помещались молоток, ножовка, пассатижи и гвозди.

В конце учебного года, сюрпризы не закончились. Не по тому, что я и три мои одноклассника, жившие в одном доме, были какими-то особенными негодьями, а по тому, что наша панельная пятиэтажка, как выяснилось, оказалась ближе ко второй школе, и нас перевели в новом учебном году, в нее. Предстояло в очередной раз адаптироваться к новым условиям, в новом коллективе, что естественно, ни детей, ни родителей не радовало. Единственным плюсом во всем этом - была возможность послать в известном направлении школьную практику, чем мы дружно и воспользовались. Впереди были первые школьные летние каникулы, и думать о проблемах мне совсем не хотелось.

Все в моей жизни развивалось как обычно, предсказуемо – по ситуации. Родители были заняты младшим братиком, а я был предоставлен сам себе, и шарахался с дворовыми мальчиш-

ками в ближайших окрестностях. Зарабатывали карманные деньги тогда все дети примерно одинаково – оставляя сдачу от покупок в магазинах, и сдавая молочные бутылки. Тратили заработанное тоже без изысков – покупая коржики, пирожные, лимонад и булочки в ближайшем гастрономе. Но долго «гонять собак» в городе мне не пришлось, ввиду того, что папа – под предлогом помочь стареющей бабушке в другом городе, планировал свалить туда на месяц отдохнуть от семейных забот, прихватив меня с собой для приличия. Я не возражал, а очень даже поддерживал такое развитие событий, чтобы хоть на время покинуть «ненавидимый прокуратором город».

Дело в том, что родился и прожил первые свои годы, я в совершенно других условиях. Это довольно большой город, в котором у нас был свой частный дом, разделенный пополам на двоих братьев – моего отца и дядьку – его брата. Регион был богатый, теплый, щедрый на солнце, и любые овощи и фрукты, в отличие от Поволжья. Но, волею судьбы, и моих вечно конфликтующих родителей, я оказался далеко и от своего дома, и от любящей бабушки, которая заслуженно, и по возрасту, являлась главой двух семейств своих сыновей. Она была для меня всем – и отцом и матерью, но меня увезли против воли от нее за полторы тысячи километров, и виделись мы теперь крайне редко. Каникулы представлялись мне той хрупкой возможностью вернуться в свое светлое прошлое.

Глава II. Город N.

Городок N в Поволжье, куда мы переехали с родителями в начале семидесятых, был относительно молодым, но уже имел свою насыщенную событиями историю. Денег от бесконечных запасов нефти и газа, в государстве было «как у дурака махорки», поэтому хватало и на помощь различным мировым бандитским режимам под красным флагом, и на производство самых страшных в мире бомб и ракет – чтобы этот самый «вражеский» мир уничтожить, как только придет время. Государство бессовестно и нагло врало гражданам про «Коммунизм» и «врагов», а народ делал вид, что во все это верит, и политику партии всесторонне поддерживает. Особо ушлые, использовали институты КПСС и ВЛКСМ, для продвижения по карьерной лестнице, и более широких возможностей коррупции и воровства.

По сложившимся веками, российским традициям крепостничества, переходящим от одной империи – к следующей, в нашей советской стране, чтобы держать народ в повиновении и преданности, людей пугали разными «врагами». Уничтожив за годы красного террора, эмиграции, раскулачивания, голодомора, и сталинских репрессий более двадцати миллионов своих граждан – внутренних «врагов народа», «врачей-вредителей» и «шпионов» сразу всех разведок мира, государство продолжило пугать население уже «врагами внешними».

Не важно кем они были – капиталистами, буржуями, империалистами, да хоть инопланетянами – антикоммунистами. Главное – запугать свое собственное население, и подчинить его интересам партии и правительства так, чтобы боялись, и никуда не дергались. Население поддерживало, и писало миллионы доносов на подозрительных соотечественников, наполняя исправительные лагеря дармовой рабочей силой. Как говорится – схема рабочая, проверенная, не особо затратная, поэтому удачно используется и до сих пор.

Классик русской литературы И. А. Бунин – большой знаток русской души и крестьянской деревни, из которой и вышли все наши современники, в повести «Деревня» предельно точно описал основные черты русского человека: «Народ! Сквернословы, лентяи, лгуны, да такие бесстыжие, что ни единая душа друг другу не верит!», что наиболее точно отражает взаимоотношения в нашем социуме.

Государству приглянулся тихий уголок земли среднего Поволжья, в устье малой реки, впадающей в Волгу, где снесли несколько деревень, под строительство огромного химического комбината, с целью производства на нем химического оружия. Раздали первые построенные квадратные метры жилых бараков бывшим крестьянам и зекам-поселенцам – новому проле-

тариату. Городок N начали возводить в 1960 году, как часть столицы одной автономной республики, и первые 5 лет он являлся всего лишь ее спутником. Таким образом, создавался промышленный район строительства того самого нового химического комбината, с первыми вагончиками – бытовками, и первыми бараками. И лишь в 1965 году он стал самостоятельным административным образованием районного значения, а в 1971 году – уже городом республиканского подчинения. Мгновенно рядом с первыми жилыми объектами, появился речной порт с нерудными строительными материалами, исправительно-трудовая колония, выросли бетонные заводы, домостроительный комбинат и теплоэлектростанция.

Надо отдать должное советским традициям – на любом военном заводе всегда делали и что-то второстепенное – для народного хозяйства. Таким образом, химический комбинат был полезен и для простых людей тоже – производя щелочь, кислоты, аммиак, хлор и перекись. Но и травил он все живое вокруг закономерно и регулярно – близлежащие территории в радиусе сотни километров – ядовитыми выбросами всего спектра своей продукции, повышая общую заболеваемость населения. Но предприятие было градообразующим, а работать и зарабатывать на свой кусок хлеба, людям где-то было надо. В кратчайшие сроки был введен в эксплуатацию современный отраслевой техникум химической промышленности, выпустивший многих, прославившихся в ближайшем будущем, студентов.

Город N строился очень быстро – стране нужно были срочно и много химического оружия, чтобы пугать разных врагов. За десяток лет, уйдя от первых деревянных бараков к хрущевским пятиэтажкам, население городка заметно выросло, и он приобрел статус уже реального города. Появилась необходимая инфраструктура – в окрестностях организовали две тюрьмы, построили баню, рынок, поликлинику, школы и детские садики. После первых крестьян – строителей из окрестных деревень, и каторжан-поселенцев, в город потянулись со всей страны лучшие инженеры-химики, экономисты, учителя, врачи и прочие другие люди с высшим образованием. Именно тогда моя мама и была приглашена на этот комбинат, как ценный дипломированный специалист, а папа, как большинство мужиков-подкаблучников, поехал за ней и за мной в свою новую жизнь. Все эти годы он мечтал вернуться к себе на родину, даже уезжал ненадолго, но всегда возвращался назад, в город, который он так и не смог полюбить.

Как бы то ни было, но именно этому химическому комбинату город обязан не только своим рождением, но и своему последующему стремительному росту и развитию, на протяжении последующих двадцати лет, которому завидовали даже жители столицы республики. Был момент, когда горожане дружно проголосовали против объединения со столицей республики, пытаясь сохранить особую идентичность своего любимого города. Я тоже был против. Городок мне нравился, и он не был похож ни на один другой. Но вскоре увы, наступил период общей неизбежной деградации, после развала градообразующего предприятия в лихие девяностые. Химическое оружие больше стало никому не нужно. Деградация оказалась еще более стремительной, чем развитие.

В самом начале своей истории, городок поучился современный, ухоженный и очень перспективный, и рос он очень быстро. Государство заказывало и покупало начинку для химических бомб и ракет в апокалиптических объемах. Местный домостроительный комбинат в три смены штамповал панели для первых пятиэтажек, которые заполняли новые улицы города. Ежедневно автозаки с вооруженным конвоем и собаками, колоннами возили каторжан из ближайших колоний на стройки. Денег государство не жалело, поэтому снабжение в нашем захолустье было «московское», что привлекало население близлежащих территорий, и недостатка в рабочей силе не было.

Неожиданно, чтобы оставшееся свободное место зря не пустовало, а приносило еще больше пользы, рядом с городом, на Волге решили построить ГЭС, затопив тысячи квадратных километров пойменных лугов и деревень выше по течению, под индустриализацию и электрификацию всей страны, которой требовалось все больше электричества. Вскоре, обозначились

контуры самой плотины и двухкилометрового моста через Волгу. Земли в России всегда было с избытком, как и людей. Ни то, ни другое особо никто и не жалел. Население, покидая умирающие родные деревни, прибывало на новые стройки городка ежедневно десятками и сотнями, со всей большой многонациональной страны, и вскоре - удвоилось.

Благодаря именно тем первым инженерам, энергетикам, технологам, экономистам, врачам и учителям, разбавившим маргинальную солянку из крестьян, бродяг и уголовников, социум получился довольно цивилизованный. Во всяком случае, так казалось всем на первый взгляд. Люди старались одеваться культурно, следуя неказистой советской моде и журналам - мужики носили шляпы, как у артистов, а женщины делились выкройками модных платьев из журналов «Работница» и «Крестьянка». Открылись первые большие магазины, клуб строителей, баня, рынок, кинотеатр, библиотеки, ресторан, стадион и «дворец культуры». Находящаяся в паре десятков километров, столица автономной республики завидовала своему городу - спутнику разноцветной и жгучей завистью.

В сумерки улицы молодого города пустели. Уличная преступность цвела пышным цветом на зловонном удобрении социума из бывших крестьян и уголовников. Особенно в районе, с четырех -этажными домами, в кварталах, объединенных общим названием - «Низы». Там, где на этаже – два десятка комнатух секционного типа, по обоим сторонам заплеванного узкого коридора, одна загаженная уборная, и одна общая кухня, с выбитыми стеклами. Где трезвые и адекватные соседи – большая редкость, а дети – все на одно лицо. Мне с родителями тоже довелось пожить в том аду, к счастью не очень долго. Это были самые страшные дни в моей жизни. Удивительно стабильно, без изменений, все там так и осталось по сей день. Прогулка по ночным улицам может стать дорогим удовольствием. Классическое гетто – со своими законами, традициями и устоями, густо замешанными на маргинальности, алкоголизме, и уголовных понятиях.

Но именно «Низы» являлись стартовой позицией абсолютно для всех жителей города – другого жилья тогда попросту не было. Именно оттуда вышли и все уважаемые люди города, и все главари преступных группировок – в свое время делившие и один стол на общей кухне, и одну общую уборную. У многих - и папа был один. Потом их пути разошлись. Те, кто хотел

большого, чем деградировать в пьяном кошмаре низового социума, старались выбраться оттуда как можно быстрее, в строящееся новое жилье, в относительно более благополучные районы города, занять более достойное место в другой социальной группе. Но очень многие так и остались в «Низах», доживая век со своими проблемами, в старых родительских квартирах, заглушая отчаяние и безысходность наркотой и алкоголем. Мрачные, легендарные места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.